

Ирина Аргутина

Аргутина Ирина Марковна родилась 07.07.1963 в Челябинске. Окончила Челябинский государственный университет. Работает инженером. Автор поэтических сборников: «Свободные скитальцы» (Челябинск, «Фрегат», 1999, 100 экз.); «Время поить пески» (Челябинск: изд. Т.Лурье, 2001, 500 экз.); «Линия перемены дат» (Челябинск: изд. Т.Лурье, 2001, 500 экз.); «Настоящие птицы» (Челябинский Дом печати, 2006, 500 экз.); «Четыре степени свободы» (Челябинск: Цицеро, 2008, 500 экз.); «Избранное» (Челябинск: Книга, 2009, 1000 экз.); «На честном слове» (Челябинск, 2012, 500 экз.). Член Союза писателей России с 2003 г. Член редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я Параллель». Лауреат (1 место) международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, 2004), лауреат литературного конкурса им. К. Нефедьева и др. Публиковалась в литературных газетах, журналах и альманахах России, Германии и США. Участница АСУП-2,3. Живёт в Челябинске.

Филологическая маркировка стихов И.А.

Традиции, направления, течения: классика, модернизм, акмеизм.

Основные имена влияния, переклички: М. Цветаева, Н. Заболоцкий, А. Тарковский, Д. Самойлов, И. Лисянская, И. Бродский, А. Кушнер.

Основные формальные приемы, используемые автором: натурфилософия, медитативность, элегизм, мифологизм, метафоризм, интертекстуальность, прямое лирическое высказывание, ролевая лирика, биографизм, диалогизм, установка на продолжение поэтической традиции, инжамбеман как знак авторского стиля.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: душевное переживание, горе, беда, судьба, одиночество скитания; семейные связи, времена года; стихии воздуха, воды, земли, небо, холод, звук, поэзия, память, религия.

Творческая стратегия: оправдание метафизическими аксиомами личного жизненного пути.

Динамика: стихи, представленные во 2-м и 3-м томах АСУП, созвучны по своей просодике: они элегичны, медитативны, схожи тематически, стилистически и в целом направлены на развитие устоявшейся поэтической традиции натурфилософской лирики. Стихи 3-го тома отличаются более явной установкой на прямое лирическое высказывание. Здесь большую роль играют автобиографические элементы и быт, которые, не теряя свойственной им материальности и вещественности, становятся знаками метафизического пути лирической героини.

Коэффициент присутствия: 0,62

АВТОБИОГРАФИЯ

«Выпись из метрической книги» 1902 года, чудом сохранившаяся в нашей семье, удостоверяет бракосочетание двух учителей, «физика» и «лирика», Ивана Васильевича Лохтева и Александры Фокиничны Николаенок. Сочетание генетических факторов, не потерявших силы в четвертом поколении. Во всяком случае, так считаю я, их правнучка.

Младший из трех сыновей Лохтевых, Александр, к началу тридцатых годов работал инженером, начальником группы, на строительстве канала «Москва–Волга». Был он мягок и деликатен, черноволос и голубоглаз, да еще и немножко играл на скрипке. Какая судьба ожидала бы его на строительстве канала через пару-тройку лет, скажем, в 1937-м? Но в 1935 году по приказу «железного наркома» С. Орджоникидзе десятки молодых специалистов были направлены на укрепление кадрами нового тракторного завода на Урале, и

Лохтевы Александра Фокинична
и Иван Васильевич – прабабушка и прадед

мой будущий дед оказался в Челябинске. В том же году Олечка, молодая чертежница из Свердловска, приехала на завод в длительную командировку. 1937 год оказался для них счастливым: они поженились. В 1939-м родили дочь. Назвали Людмилой – накануне ее рождения то ли оперу «Руслан и Людмила» слушали, то ли Пушкина перечитывали. Бабушка Оля, выросшая в Житомире, в многодетной (семеро) семье, но в 15 лет уехавшая в Питер, а потом в Свердловск учиться, всю жизнь жадно впитывала классическую литературу и музыку, прекрасно знала историю, заложила основы семейной библиотеки, а многие оперы могла пропеть от начала до конца.

Дочь Людмила выросла, выучилась на врача и как-то летом, в Сочи, в последние студенческие каникулы, встретила Марка Алтоцкого, молодого офицера, который влюбился в нее сразу и бесповоротно. Понять моего будущего отца легко, если взглянуть даже на черно-белое фото мамы в юности. А если добавить цвет, – унаследованные от деда голубые глаза и черные волосы... В общем, через полгода приехал Марк в Челябинск, да не один, а с матерью – знакомить, свататься. Перед самым новым 1962 годом они поженились и поначалу пытались жить на Украине, по месту воинской службы отца. Но вопрос с жильем никак не решался, а мое появление на свет уже было намечено, и пришлось маме возвращаться в Челябинск, где 7 июля 1963 года я и увидела свет. Почти год семья добивалась перевода отца. Он тосковал и, будучи неплохим художником, рисовал жену, себя – с маленькой дочерью на руках. Наконец, семья воссоединилась. Мама работала сначала участковым врачом, потом – и уже все годы (около 40!) до ухода на пенсию – кардиологом: все «сердечники» Тракторозаводского района рвались к ней на прием. Отец, к тому времени защитивший еще и диплом инженера, преподавал в автомобильном училище, а потом тоже стал работать на ЧТЗ – представителем заказчика.

Даже после нашего переезда в первую отдельную «хрущевку» я большую часть времени проводила у деда с бабушкой: с детсадом организм не справился. Наверное, поэтому впоследствии мне было проще общаться со старшими, чем со сверстниками, и уж точно, что домашняя библиотека стала моим лучшим другом. Читать я научилась к 4 годам и сразу – свободно. И сразу – запоем...

В свободное время отец водил меня на прогулку «по новым местам» – улочкам в центре города, еще в ту пору одноэтажным: домишки среди огромных тополей, подметавших небо. Мы бродили, отец учил играть в буриме, а иногда на ходу сочинял забавные сказки – то о курино-петушином семействе, то, читая вывески задом наперед, давал эти смешные имена – Тропс, Абыр – персонажам тут же выдуманных историй.

Сейчас я могу сказать, что каждый взрослый член семьи был воплощением конкретного достоинства. Дед – честности, нравственных критериев. Такой абсолютной честности, по-моему, в человеческой природе не встретишь. При этом он был ко мне безгранично добр, а в своих убеждениях – непреклонен. Теоретически, если бы вырастить человечество с такими качествами, все прекрасные утопии были бы реализуемы элементарно и навсегда, а в законах, органах управления, контроля и, тем более, наказания не было бы ни малейшей необходимости. Может быть, я со временем все же немного канонизировала деда Шуру (мне шел тринадцатый год, когда он умер), но совсем чуть-чуть. Бабушка была энергией – равнодушия, жажды к знаниям и культуре, неукротимой, переполняющей ее любви к дочери и внукам, и даже бурной деятельности на кухне (отлично готовила) и за швейной машинкой (в ее «туалетах от курюр» я проходила до старших классов). Мама – это высочайший профессионализм врача, обладающего даром видеть человеческий организм как единую систему, диагноста, который практически не ошибается, и человека, способного выслушать пациента. Она не так давно ушла на пенсию, но до сих пор тоскует по работе. И до сих пор ее помнят бывшие пациенты. А отец – это ищущий и не успокоенный ум, это постоянное желание «дойти до самой сути». Выйдя в отставку в звании подполковника, он еще лет двадцать продолжал работать ведущим инженером. Но и сегодня ему интересно все – от бокса до истории религий, от политики до интернета и скайпа, освоенных на восьмом десятке.

Возвращаясь к детским годам, добавлю, что еще меня таскали в оперу, на балеты и концерты, пытались учить музыке и отдали в английскую школу. Удивительно: все это (кроме музыкальной школы, которую я решительно бросила) не только не вызывало протеста, но, пожалуй, нравилось.

Лохтевы Ольга Петровна
и Александр Иванович – бабушка и дед

Мама

Отец

Классическая музыка и сейчас живет в моем мироощущении постоянно, с годами даже в большей степени, чем любимые стихи.

В год моего поступления в школу перед ней был открыт мемориал памяти погибших выпускников. Одноклассница написала стихотворение по поводу этого события – технически грамотное, абсолютно графоманское. Видимо, это пробудило во мне подражательно-сопоставительный рефлекс. Так в 7 лет я написала первые «детские» стихи. Результат был плачевным: взрослые возрадовались и стали ожидать от меня дальнейших творческих свершений. А я была правильным ребенком и долго старалась соответствовать ожиданиям, причем без особых усилий. Мне действительно нравилось учиться на «отлично», читать классику, писать хорошие сочинения и «что-то в рифму», любить свою родину... До первых сомнений доросла, когда умер дед. Незадолго до смерти – скоропостижной, от инфаркта – он впервые усомнился в святости КПСС.

Когда мне было 11 лет, родился брат Михаил. Малыш требовал внимания, а я начала взрослеть: мир внешний, уже более-менее структурированный, стал уходить на задний план. Внутренний мир формировался остро, скрытно, изолированно, волновал и уводил. Близкие казались далекими, общение становилось номинальным. К тому же в двенадцать лет меня угораздило впервые прочитать Достоевского, что-то почуять – и заболеть им на годы. Стихи сочинялись редко, но еще

легко, хотя первые подозрения, что с ними не все в порядке, уже зашевелились.

В 7 классе я пришла в литобъединение «Алые паруса» при Дворце пионеров. Там познакомилась с ребятами, писавшими лучше, читавшими если не больше, то осознаннее. Это были Слава Шмыров, сегодня известный московский киновед и продюсер, и Дима Кондрашов. Вот тогда я приумолкла и задумалась, стала открывать доселе неведомую современность и потихоньку учиться отличать поэзию от графоманства.

В дальнейшем, основательнее познакомившись с современной российской поэзией и что-то осознав, практически перестала писать – лет на 15. Окончила университет по специальности «химия», распределена инженером-химиком в теплотехнический институт. Там встретила Вячеслава Викторовича Аргутина, инженера, математика, умного, образованного и глубоко культурного человека. Сбежать пыталась, но, к счастью, не удалось: вышла замуж за любимого человека, под чьи интересы не пришлось подстраиваться – совпадали абсолютно. Душа в душу прожили 18 лет, пока его смерть после долгой болезни не разлучила нас...

Сменив в хаосе начала 90-х несколько мест работы, я в 1995 году осела на кафедре ЭВМ ЮУрГУ, где работаю по сегодняшний день ведущим инженером. Вырос сын Александр, окончил приборостроительный факультет (а в детстве настоящие стихи писал!), успешно работает, учится в аспи-

Я, папа и мама

рантуре, недавно женился. Когда-то самым понимающим человеком был для меня муж. Теперь – сын.

К стихам вернулась неожиданно в конце 90-х: поначалу казалось, что это диалог через годы с повзрослевшим сыном (думала: пока он реально вырастет, я основательно поглупею). Поняв, что это тексты уже иного уровня, пришла с ними в ЛИТО ЧТЗ, где задержалась ненадолго, а затем в литературную мастерскую, которую в то время вела Н.А. Ягодинцева. Там, впервые появившись,

услышала Петрушкина и Саксона – и удивилась. Там же в течение 4–5 лет получила много полезной информации и впечатлений, а также представление о местных поэтах и их деяниях.

Первую книжку, маленькую, бумажную, после долгих колебаний выпустила в 1999 году – в том возрасте, когда поэты уже имеют обыкновение умирать. Потом были другие книги (готовлю седьмую), Всероссийское совещание молодых писателей, рекомендовавшее в СПР, конкурсы с выходом в лауреаты или шорт-листеры, публикации в журналах и антологиях, работа в редколлегиях и жюри. Но за последние годы значимыми остались только вехи в жизни сына. Впрочем, это не означает *taedium vitae*. Меня еще волнуют хорошие стихи и – особенно – хорошая музыка. Я люблю бродить с фотоаппаратом, находить и ловить красоту – и делиться этой добычей. Могу долго отказывать себе во многом, чтобы потом рвануть в тур по Европе или по какой-то привлекательной для меня стране, а впечатления сохранить в фотографиях и, если повезет, стихах. Люблю озеро Сунукуль, цветы, деревья, тишину, лето. Люблю своего кота. А стихи стараюсь не писать до тех пор, пока это возможно, пока не начинает ныть нерв и жужжать днем и ночью в мозгу какая-то фраза. Тогда приходится сесть за работу. Черновики похожи на битву, смотреть страшно. Результаты бывают разные, неудовлетворительные уничтожаются, некоторые дорабатываются годами. Но когда, наконец, удовлетворяют!.. А за их честность – и за каждое слово – отвечаю. Так что, если бы некто прочитал все мои изданные стихи, ни малейшей потребности читать эту автобиографию у него бы не возникло.

Мой муж Вячеслав Викторович Аргутин и я